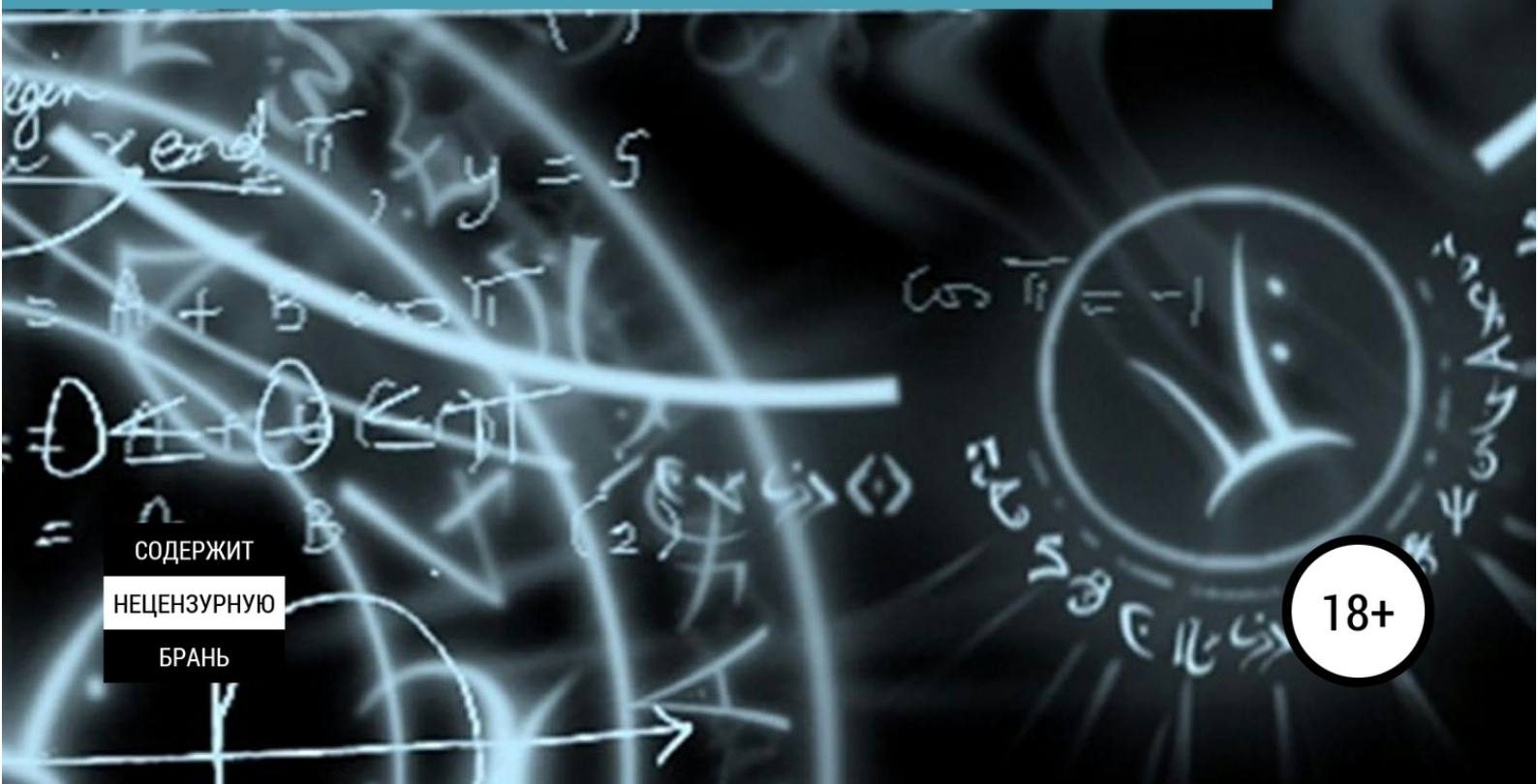


Максим Евсеев

Время

фантастическая повесть



СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Максим Евсеев

Время

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Евсеев М. С.

Время / М. С. Евсеев — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Доводилось ли вам мечтать о том, какую суперсилу вы выбрали бы, будь у вас такая возможность? У главного героя этой истории не было такого выбора. Его просто толкнули на встречу с тайнами вселенной, и теперь ему предстоит бороться за свою жизнь и видеть гибель близких ему людей. Содержит нецензурную брань.

Глава первая

– Максиим!

Его уже ищут. Вот ведь беда: если появится, побьют, а если не появится, накажут.

Не нравилось ему в пионерском лагере, и с самого начала он ехать не хотел, но куда денешься? Чего стоило маме отпустить его на дачу к бабушке?

Там хорошо, там двоюродный брат, там пруд маленький и красивый ковер с оленем над кроватью. А здесь тоскливо и ещё каждый норовит поиздеваться.

– Максиим! Да, где он? Вы Максима не видели?

– Он у ворот! Он хочет выйти за территорию!

Ябеды девчонки. Сразу же указали куда Максим побежал. И если бы он действительно выскочил за ворота, то его мало того что поймали бы, да ещё ему и за попытку сбежать досталось бы. Матери бы позвонили... Но он бежать не стал. Зачем? Да и некуда. Домой не добраться самому, а если и добрался бы, то попал бы из огня в полымя – дома бы наказали ещё сильнее и сюда бы вернули.

Ребята ещё... Ладно бы из старших отрядов, они по мучали бы и отпустили, а от своих куда денешься? Сами же ему простыню водой облили, когда он спал, а теперь ещё и дразнят. А уж если про тебя такое подумали, что ты ночью не удержался да в кровать напрудонил, то от тебя все отвернуться. Каждый будет считать своим долгом пальцем на тебя показать и толкнуть при встрече. И только ли толкнуть, но ведь так над ним смеялись, таких обидных слов наговорили с самого утра, как только все узнали про мокрую простыню, что он света белого не взвидел от обиды и унижения.

Юлька ещё эта... Сильная какая. Максим не ожидал, что она его двумя руками толкнёт. Не ожидал вот и не устоял на ногах. Теперь все знают, что он слабак и каждый норовит ударить. Ещё бы! Если уж тебя девчонка оказалась сильнее тебя, то стало быть ты самый, что ни на есть, слабак. Юлька, когда он упал, ещё и сверху на него легла, как вроде бы они боролись. На лопатки положила получается. А Стас считать начал. Да ещё быстро так считал. Максим и сообразить не успел, что произошло, как он десять заорал и стал смеяться. А потом уж все кругом стали и начали смеяться. Да не просто смеяться, каждый еще и толкнуть или ударить сзади норовил, стоило ему только спиной повернуться. Максим было сдачи хотел дать, но в суматохе ударил эту черненькую Ксюшу. Он это нечаянно – его кто-то толкнул, а он не глядя отмахнулся и попал ей по лицу. И попал-то слегка, она постояла–постояла, да и в слёзы. Ну, тут на него и навалились гурьбой. Ох беда... Как ни крутись, а везде он виноват. Столько за ним теперь стыдных провинностей, что не отпереться. За то что девчонка поборола, достанется от всего отряда. За то что другую ударил, получишь от воспитателей. А уж за мокрые простыни, ото всех. Даже от Стаса, который ему воды в кровать налил. Сам налил и сам же поверил, что это Максим описался.

– Вон он! Вон в траве прячется! – Юлька кричит. Увидела-таки его. До чего же вредная девчонка.

И тут же весь отряд бросился к нему. Скучно им, но тут в отряде появился изгой. А уж лучшего развлечения и придумать нельзя.

Это вам не по плацу строем ходить или в столовую по парам. Это настоящее дело, интересное. Тут каждый себя нужным почувствовал, каждый себя представляет пионером героем или пограничником: "Вот же он враг! Настоящий, всамделишный. А значит гони его. Догоняй и тащи к пионервожатой. А потом смотри, как он будет корчиться от стыда и тыкай в него пальцем"

Но Максим тоже в эту игру включился: раз гонят его, как зайца, то и убегать он будет не хуже зайца.

Но отряд его уже окружил.

– Вика, вот он! Убежать хочет! – кричат маленькие пионеры.

И каждый норовит ухватить по сильнее. А пионервожатая Вика, молодая совсем женщина, идёт к ним не торопясь. И как только она его возьмёт за руку, то тут уже не убежишь.

Всё у Максима внутри сжалось, даже глаза, как-то сами собой, превратились в маленькие такие щёлочки. И когда Юлька к нему рванулась и руки протянула, чтобы схватить, то Максим её бить не стал. Он только плечами резко повёл и Юлька, промахнувшись дальше пролетела и даже упала от неожиданности. А Максим небольшой просвет в кольце ребят увидел и решил в этом месте прорываться. Потому что, если его сейчас поймают, если поведут на веранду их отрядного корпуса и станут вопросы задавать, то непременно он расплатится от беспомощности и обиды. Расплатится от того, что нет у него никаких ответов. Чувствует он, что не виноват, что несправедливо это будет, но как докажешь? Он таких слов не знает, чтобы оправдаться. Да и не в оправдание дело – не хочет он с этими ребятами вместе быть. Ни в одном отряде, ни в одном лагере, ни даже в одно время жить с ними не хочет.

Максим присел немного, чтобы сильнее с места рвануть, и бросился сквозь кольцо преследователей, туда где меньше их было, где расстояние между ними было такое, чтобы он Максим, пробежать мог. Но как назло, именно в этом месте появился Стас. Из-за спин остальных вынырнул навстречу. Он был не самый высокий среди всех, но самый крепкий и плотный. И ещё хвастался, что занимается борьбой. Он сразу стал самым главным среди мальчишек в отряде, и все его слушались, и слово его было почти законом. Все ему сразу подражать начали и во всем соглашались. За столом с ним все в столовой сидеть хотели и в одной палате жить. А Максим не хотел. И Стас это сразу понял и невзлюбил. Но вышло так, что и в жить с ним ему выпало, это уж вожатые так распорядились, и сидеть за столом тоже. А теперь ещё, как назло, он стоял у него на пути. И не обежишь его и останавливаться поздно. Весь отряд замер, когда поняли где именно Максим собирается вырываться из окружения и с кем сейчас столкнется. Замерли в предвкушение того, как Стас покажет какой-нибудь приёмчик от которого повалится Максим позорно на землю. Повалится и пощады попросит и может даже хныкать станет. Максим тоже это понял и испугался до ужаса. Но останавливаться уже поздно, потому что это уж совсем стыдно будет. Хотел было зажмуриться и с закрытыми глазами бежать, раз уж всё равно недалеко – до Стаса метр всего и оставался. Но не зажмурился. Не успел – на Ксюшу отвлекся. Она уже не плакала, а только смотрела на него. И смотрела не так как все, а задумчиво и с жалостью. И Максиму было перед ней стыдно, что её нечаянно ударил, и он решил: пускай ему будет больно сейчас. Она это увидит и не станет на него сильно обижаться. Но эту мысль он додумать до конца не успел даже, поскольку до Стаса добежал и не останавливаясь в него врезался. Да так сильно врезался, что Стас просто упал, не успев ничего сделать. И все замерли пораженные.

На какое-то время остановился и Максим. Он ждал, что сейчас Стасик вскочит, да как схватит его, да как бросит через бедро и уж тогда ему несдобровать. Но тот остался лежать, обиженно потирая ушибленное плечо. В глазах у него сначала промелькнул страх, а потом выражение страха сменилось на некой ленью, которой Стасик просто прикрывал свое нежелание вставать. Чего, мол, он будет затевать драку со слабаком, если и вожатая сейчас подойдёт. И расходовать свои секретные самбистские приёмы, на такого не стоит. Он потом ему покажет.

"Но что будет потом, то потом и будет, а теперь надо убежать быстрее": решил Максим и устремился подальше ото всех. Туда, где хозяйственные постройки, баня, и корпуса администрации. Там и пионеры редко ходят и заросли погуще – есть где спрятаться.

Отряд вдогонку не побежал. Вернее, несколько человек попробовали его догонять, но увидев что остальные дожидаются вожатую, эти несколько человек тоже сбавили скорость и вернулись к отряду. То что отстали – это хорошо, но не на долго. Сейчас пионервожатая Вика соберёт их всех, и они продолжат преследование и никуда Максиму не деться – территория лагеря небольшая, всё равно найдут.

Вот и бетонный забор, вот и кончился лагерь – дальше идти некуда.

Максим понимал, что прятаться бесконечно не сможет, но и вернуться не мог. Не мог себя заставить посмотреть в глаза доброй пионервожатой, не знал, как дальше общаться с отрядом.

– Перед Ксюшой я, конечно, извинюсь, – рассуждал он – Это мне не трудно. Но вот перед всеми остальными извиняться совершенно не за что. – Максим не замечал, что говорит вслух. – А даже, если и попрошу у всех прощения, разве после этого от меня отстанут? Или всё-таки отстанут? Можно попробовать. – Эта, озвученная мысль была, несомненно, из разряда трусливых. Стыдная была мысль, но Максим отверг её не по этому, и даже не потому, что его извинения никак ему не помогут. А потому, что не мог себе представить, как он это сделает. Вот поставят его перед всеми и начнут прорабатывать. Все, конечно, перебивая друг друга, станут кричать о том какой он плохой. Как бьёт девочек, и как одна его даже и побила ... Тут с логикой был несомненный провал, потому что нельзя наказывать одновременно за то что ты ударил девочку и за то что девочка побила тебя. Но разве дело в логике? Стыдно всё это. Так стыдно, что оправдаться он не сможет, а скорее всего расплатится, а это ещё стыднее. А ведь смена только началась. Ему ещё три недели жить в пионерлагере. С этими ребятами жить. В одном корпусе, в одной палате, в одной столовой. Сколько ему ещё всего скажут... Как будут дразнить и издеваться... Может и вправду сбежать? – подумал Максим. Он шагал вдоль забора, не замечая, как голые ноги обжигает крапива – Не домой бежать, а сразу на дачу к бабушке.

Проблема была в том, что он не знал, как туда добраться. Не знал, ни названия остановок, ни номеров автобусов. Он даже и до Москвы не знал, как доехать. И денег у него тоже не было. – Ну, денег можно попросить у прохожих – дадут, если сказать, что потерялся. – пришло вдруг ему в голову. – Нет, этого говорить ни в коем случае нельзя – сдадут в милицию. Тогда просить по две копейки, якобы позвонить.

Максим был ещё слишком мал, чтобы знать все хитрости попрошайничества, но он видел, как ребята постарше, клянчили денег на разные нужды у прохожих. Сейчас, находясь в полном отчаянии и безвыходном положении, он думал, что и сам готов попробовать. Конечно, он не называл таких слов как: "попрошайничество" или "клянчить" – это были плохие слова.

– Но я же просто попрошу. – рассуждал он. – В этом ничего стыдного нет. А заодно и спрошу дорогу. Бывает же так, что ребёнок отстал или потерялся или ...

– Наташа, веди всех ребят в корпус. Я сама его поищу. – это был голос Вики, которая обращалась ко второй пионервожатой.

Она была совсем рядом. Максим совсем было решил выйти ей навстречу, потому что сдать Вике было можно – она добрая, она поймет и выслушает. Но в этот момент он услышал голос девчонок.

– Вика, можно мы с тобой? Мы поможем, а то он убежит, если ты одна будешь.

Что ответила пионервожатая, Максим дослушивать не стал. В страхе от того что погоня продолжится он пригнулся, чтобы спрятаться за кустами, и, не разгибаясь, тихонечко стал убегать. Он бежал прячась за высокой травой и кустами, пока не оказался скрытым от глаз преследователей кирпичной стеной бани. Там он немного передохнул, прислушался: не звучат ли поблизости голоса вожатой или девчонок, которые увязались вместе с ней, но их слышно не было, а выглядывать из-за угла не стал, и, уже не торопясь, пошёл мимо деревянных домиков, в которых жили работники пионерлагеря.

Синие или зелёные, с крылечками и окнами с занавесками, они были загадочны и недоступны для детей младших отрядов. До этого момента, Максим старался к ним близко не приближаться, не очень хорошо понимая, кто там живет и чем именно их обитатели занимаются в лагере.

Самым страшным, для него и всех остальных малышей, был дом начальника лагеря. На встречу с ним грозились отправить всякого, кто злостно будет нарушать режим и дисциплину.

И эта встреча должна была оказаться для такого ребёнка последней. А за ней, за этой встречей, последует позорное отчисление и родительское наказание.

– Стоп! – Максим застыл, прямо под окнами домика. – Может стоит сразу пойти к этому начальнику?

Эта идея родилась у него в голове внезапно, и сначала несмотря на весь ужас который от неё исходил, показалась ему прекрасным решением всех его проблем. Он по натуре не был храбрым мальчиком, скорее наоборот: постоянные упреки матери и учителей сделали его робким, склонным к терпению и вечному чувству вины. Он предпочитал отдавать себя на волю случая, чтобы его судьбу решали за него другие. Когда его отправляли в этот пионерский лагерь, он не посмел возражать или проситься к бабушке на дачу. В нынешней же ситуации, если другого варианта нет, то пусть его выгонят и маме не останется иного выхода, кроме как забрать его домой. А там может быть его отпустят к бабушке. Поругают, конечно. Может быть даже всыпят по первое число...

Но как только он начал себе представлять, как его станут ругать дома, как его могут наказать, ноги у него подкосились, и он уж не чувствовал в себе прежней решимости. Оно конечно здорово, представлять себя героем, но вот так вот, подняться по ступеням, в совершенно незнакомый дом... Да что там дом! Ему и на крыльцо уже страшно ступить. Кто этот начальник? Он же его не видел никогда. Вдруг он как закричит, как заругает, как спросит зачем посмел мальчик из младшего восьмого отряда зайти туда куда ему заходить не полагается. Максим испуганно отошел от крыльца и стал оглядываться в поисках убежища, где можно было бы посидеть и подумать о том как поступить дальше. И вдруг заметил, что дверь в домик медленно открывается. Открывалась она не потому что кто-то толкал её с той стороны, а видимо оттого, что Максим, сам того не замечая, поднялся на несколько ступенек и потоптался на шатком крыльце. Он с перепугу решил её прикрыть поплотнее. А то подумают, что это Максим её открыл. Кто именно так должен был подумать и почему трогать дверь начальника лагеря – это предосудительный поступок, Максим не знал. Он привык, что любое действие без разрешения взрослых может повлечь наказание или, как минимум, хитрые вопросы на которые он никогда не знал ответа. А даже если и с разрешения, то лучше несколько раз уточнить, что именно от него требуется и после этого всё-таки постараться ничего не делать – всё равно сделаешь не так, как хотели, и, всё равно, отругают. А если уж сделал, что-нибудь, нечаянно, то постарайся замести следы. Наверняка обвинят тебя, но хоть попытаешься – вдруг пронесёт. Столько на Максима за последнее время навалилось, в стольком он был не прав, что ему уже начало казаться, что он самый виноватый ребёнок на земле.

– А вдруг у начальника лагеря, что-то пропадёт? – подумал Максим с ужасом. – Станут искать виноватого и наверняка попадусь я.

Кто ударил девочку? Максим. Кто убежал от пионервожатой? Тоже Максим. – приговаривал он тихонечко, подходя к двери, чтобы аккуратно прикрыть её.

И именно в этот момент он услышал, как кто-то громко произнёс его имя. Это было так неожиданно, что он растерялся и совсем позабыл думать. А если позабыть думать, то можно совершить самые неожиданные поступки. Именно такой он и совершил, дернув дверь на себя, вместо того чтобы толкать её от себя. Да мало того, он ещё и прошмыгнул в дом начальника лагеря и закрыл поспешно дверь за собой. Только плотно прикрыв её, он с ужасом понял, что забыл постучаться.

Глава вторая

Попав в прихожую, он сначала и не подумал оглядеться. Ему показалось, что кто-то поднимается на крыльцо, и он замер ожидая, что этот "кто-то", откроет дверь и войдет за ним в дом. Бежать Максиму было уже некуда, и он просто стоял оцепенев от страха и слушал удары

собственного сердца. Прошло какое-то время, минута или больше, но дверь не открывалась и чьи-то ноги поскрипев на крыльце удалились. Максим тихо выдохнул и решил посмотреть, куда же это он попал. А попал он в обыкновенную прихожую, такую же, как на даче у бабушки. Там также по стенам висели куртки, на полу стояли калоши и резиновые сапоги, а в углу виднелся черенок прислонённой к стене лопаты. Дверь ведущая в большую комнату была полуоткрыта, но в комнате, судя по всему, никого не было. Максим переминался с ноги на ногу в нерешительности, не зная что ему дальше делать. Выйти из дома было страшно, а оставаться ещё страшнее. Но внутри было так тихо и спокойно, всё так сильно напоминало бабушкин дом в дачном посёлке, что того и гляди раздастся звук её шагов и она ласково позовет его пить чай на кухню. Разумеется, никто не позвал Максима пить чай, но ведь и не наругали, так что он набрался смелости и заглянул в комнату. Ничего в ней не говорило о том, что здесь живёт главный человек в пионерском лагере. И хотя Максиму ещё ни разу не доводилось бывать в кабинете большого начальника, он даже и у директора школы никогда не был, но ожидал он конечно чего-то другого. Тут не было ни письменного стола, ни глобуса или карты, ни даже телефона. Та же панцирная кровать, как и у всех ребят в их корпусе, то же покрывало на ней, такая же тумбочка рядом с кроватью и такая же вешалка для одежды, что и у них в палате. Был, правда, шкаф с книгами и сами книги на полках, но привлекли внимания Максима не они, а затейливые штуковины в шкафу. Они были блестящие, металлические, разных оттенков и что самое главное, внутри у них происходило какое-то движение. Некоторые были Максиму даже знакомы. Нет, он не знал для чего они и как называются, но нечто очень похожее, он видел в кино, только вот не мог вспомнить в каком, и что в этом фильме с этими штуками делали. Позабыв о своих страхах и бедах, очарованный мерным движением и блеском невероятно красивых вещей, он сделал шаг и вошел в комнату страшного начальника лагеря. Только он сейчас не думал о том, что с ним могли за это сделать, не вспоминал о том что произошло с ним сегодня. Комната и все что в ней было, казалось, приветствуют его. Ему слышалось лёгкое шуршание и тихое постукивание, двигающиеся маятники и шестеренки, так загадочно отражали солнечный цвет, что отблески разлетались по стенам и потолку и создавали ощущение нового года. Маятники! Шестерёнки! Ну конечно, он знает, что это такое.

– Да, – неожиданно раздался голос у Максима за спиной. – Это часовые механизмы.

И Максим решил, что от такого испуга он непременно должен провалиться сквозь землю. Но поскольку под ногами был деревянный пол, то это даже и лучше, потому что сквозь доски проваливаться гораздо легче.

– Не пугайся! Мне кажется, что ты намереваешься провалиться сквозь пол. Но пока ты этого не сделал, позволь поинтересоваться, что именно тебя привело сюда?

Максим медленно обернулся и увидел в дверях человека, который наверное должен был быть начальником лагеря. В дверях стоял высокий лысый старик, в спортивном костюме и резиновых сапогах, с очень строгим выражением лица. Поскольку пол под Максимом проваливаться не собирался, то надо было что-то отвечать, а в голову, как на зло, ничего не приходило. В таких случаях, оставалось молчать и упрямо смотреть под ноги – это уж он делать умел, как никто другой. В конце концов, взрослые лучше знают, что положено говорить в таких случаях и помощи Максима им явно не требуется. Крика вот только он не любил, но кричать начальник лагеря, вроде бы не собирался.

– Сдается мне, что ты намерен молчать, как партизан. И это, как я понимаю, твоя принципиальная позиция.

Сказал он, стаскивая резиновые сапоги в прихожей.

– В таком случае, почему бы тебе для начала, не снять свои сандалии. Как тебе такая идея? Я не люблю, когда в помещении ходят в уличной обуви.

И пока Максим торопливо разувался, лысый старик подошёл к шкафу и осмотрел богатство, стоящее на полках.

– Я ничего руками не трогал. – торопливо проговорил Максим. – Я только посмотрел.

– Знаю, что не трогал. Но тебе наверное хотелось. Можешь снять с полки любой, какой тебе больше нравится.

Что-то странное было в этом лысом старике. Несмотря на строгое и даже нахмуренное выражение лица, он не внушал страха, но и понравится, как некоторые взрослые, не пытался. Вот уважение и интерес он, вне всякого сомнения, вызывал. Максим молчал не от того, что ему нечего было сказать – ему вдруг показалось, что говорить не имеет смысла, потому что начальник и так все знает. Максиму впервые в жизни захотелось слушать и было ужасно любопытно, всё что этот высокий человек мог ему сказать.

– Так ты хочешь подержать в руках, какой-нибудь из этих хронометров? Не бойся, я разрешаю.

Он отошёл в сторону, освобождая место перед шкафом с механизмами, чтобы Максиму было удобнее выбирать.

– Какой тебе больше нравится?

Начальник лагеря снял с полки коробочку из потемневшего металла внутри которой быстро крутились шестерёнки.

– Посмотри, видишь якорь и две буквы G и B? Этот механизм знаменитого часового мастера Густава Беккера. Им больше ста лет, а они всё ещё исправно ходят. Или вот эти... – Он показал на другие часы. – Этот принадлежит знаменитому Павлу Буре.

Максим взял механизм в руки и завороченно смотрел, как крутятся в нём шестерёнки.

– Нравится?

– А почему они все без стрелок?

– Я коллекционирую только механизмы – меня интересуют только они. С тех пор, как жрецы древней мессопотамии догадались разделить сутки на двадцать четыре части, циферблат стал лишь отображением этой прекрасной догадки. И не важно, является ли циферблат частью солнечных, водяных или огненных часов, он развивался в основном, как произведение искусства. Мне же интересны попытки человечества двигаться вровень со временем с помощью придуманных им решений в области механики и физики.

– Огненные часы? – выдохнул поражённый Максим.

Он представил себе циферблат на котором цифры вспыхивают разноцветным огнём, и горящая секундная стрелка извивается змеей из пламени.

– Это могла быть просто свеча, на восковое тело которой были нанесены деления времени. Она могла гореть двенадцать часов, например, и скорость с которой плавился воск и огонь добирался до очередной отметки на свече, соответствовала прохождению стрелки современных механических часов по кругу циферблата.

Такое объяснение было слишком простым. Максиму больше нравились придуманные им часы с циферблатом из огня.

– Тебя ведь зовут Максим?

– Да. А откуда вы знаете?

Максим тут же вернулся из своего фантазийного мира в дом начальника лагеря и пригнулся к неприятному разговору.

– Тебя ищет твоя пионервожатая.

Сейчас его отчислят и отправят с позором домой. Может для начала позвонят матери, а пока она будет за ним ехать ему придётся дожидаться её со своим чемоданом за воротами, в то время как Стас, Юля и все остальные ребята его отряда, станут дразнить его через решётку ворот. Зачем вот только надо было часы эти без стрелок показывать?

– Чего натворил-то, Максим? Меня, кстати, зовут Аркадием Матвеевичем.

И Максим, сбиваясь и путаясь, начал рассказывать всю историю своих злоключений. Слушал его Аркадий Матвеевич, не перебивая. Во время рассказа, он отыскал под кроватью свои

тапочки, налил в электрический чайник воды из стеклянной бутылки и достал два гранённых стакана.

– Извини, ты чай с сахаром пьёшь? – спросил начальник лагеря, прервав рассказ на том самом месте, где Максим сбил Стаса и вырвался из окружения своих товарищей по восьмому отряду.

– Да. – удивленно ответил Максим. Он замолчал, не зная стоит ли рассказывать дальше, раз его всё равно не слушают.

– Я слушаю тебя. – развеял его сомнения Аркадий Матвеевич. – Впрочем, можешь не продолжать – дальше мне и так известно: ты решил где-нибудь спрятаться, а мой дом оказался поблизости. Ты пей пока чай, а я скажу твоей пионервожатой, что её подопечный у меня, а то она волнуется.

И он, сменив домашние тапочки на резиновые сапоги, вышел из дома.

Тут Максим совсем перестал, что-либо понимать. Не сказать, что до этого ему всё было понятно, но теперь он растерялся окончательно. Правда ненадолго. Разговаривал с ним Аркадий Матвеевич вежливо, выслушал не перебивая, про часы рассказал всякого. Не похож был начальник лагеря на человека, который, не разобравшись, станет его наказывать или звонить Максимовой маме. Да и сделать всё это можно было бы не предлагая чаю.

В прихожей послышался шорох: хозяин дома вернулся и опять снимал свои резиновые сапоги.

– Это я все понял, Максим, – сказал Аркадий Матвеевич. – Но я-то спрашивал не про это. Ты ведь так и не сказал, что сам обо всём этом думаешь?

Максим задумался. Смысл вопроса был ему не совсем понятен. Наверное, начальник лагеря хочет чтобы он повiniлся. Так часто бывало, когда кто-то совершал проступок, то взрослые спрашивали: "Что ты сам об этом думаешь?" и ребёнок должен был сказать: "Я больше не буду", показывая тем самым, что он всё осознал и воспитательная работа, после этой волшебной фразы, считалась проведённой.

Смотрел Аркадий Матвеевич в этот момент очень внимательно, но так, что казалось будто ответ его не сильно интересует. Он вроде бы наблюдал не за самим Максимом, а как-то рядом с ним, как если бы у Максима над головой мошкара летала.

Что же он хочет услышать? Наверное стоит пообещать, что больше не станет.

– Я больше не буду. – выдохнул Максим и шмыгнул для правдоподобности носом.

– Откуда ты знаешь?

Вот уж вопрос так вопрос. Начальник лагеря ему не верит? Надо дать честное слово, пожалуй.

– Чесслово...

– Я не про это. – отмахнулся Виктор Аркадьевич. Выражение лица его было такое, как будто он готов рассмеяться. – Откуда ты знаешь, что ты делать будешь, а что не будешь?

Максим понял, что с ответом не угадал и ещё пристальнее стал разглядывать свои порванные носки.

– На вот, поддержи. – И начальник лагеря протянул ему один из часовых механизмов.

Тот был тяжёлый почти черный от времени и в нём в отличие от всех остальных шестерёнки не крутились. Но при этом он не производил впечатления сломанного. Нет, он как будто бы ждал, что его заведут. Даже неподвижный этот механизм был наполнен сдерживаемой силой. И как только лёг в ладонь, он словно начал просыпаться: через несколько мгновений внутри него началось движение. Максим этого не видел, он скорее чувствовал, как тот сначала как будто вздохнул пробуждаясь ото сна, а потом потянулся, затем открыл глаза, улыбнулся Максиму. И вот уже его шестерёнки двигаются всё быстрее, оживает маятник и пружина, которая, казалось бы полностью израсходовала свой завод, на самом деле начинает упрямо толкать все движимые части механизма, понукая их работать быстрее.

– Интересно! – Воскликнул Виктор Аркадьевич. Он даже привстал с кровати, чтобы убедиться, что механизм, на самом деле заработал. – Это прекрасно! – добавил он, глядя на Максима.

Тому было конечно приятно. Он относил все эти радостные возгласы на свой счёт, хотя и не понимал настоящего их смысла.

– Я его починил?

– Ни в коем случае. Он не был сломан. Просто ждал, пока его кто-нибудь возьмет в руки. – Виктор Аркадьевич помолчал несколько секунд, как бы подыскивая слова или решая стоит ли объяснять такие вещи семилетнему ребёнку, но потом всё же продолжил.

– Этот часовой механизм – большой оригинал. Он полностью исправен, смазан и готов к работе, но... Не работает. Понимаешь?

Я его, несколько раз, разбираю и собираю, полностью смазываю – не хочет идти. Вернее так: возьмёшь в руки – работает, положишь на полку – останавливается. Я даже заменил некоторые детали, но от этого только хуже стало. Перестал откликаться даже на прикосновение. Пришлось вернуть всё назад. И механизм-то не очень старый, просто выглядит так. Я его из будильника вытащил.

Понимаешь, с этим будильником такая история: его моей маме на свадьбу хотели подарить, ещё перед войной, только свадьба не состоялась – её жених на войну ушёл. А будильник ей так отдали. А когда жених погиб и мама за моего отца замуж вышла, он остановился. Вот такая мистическая история. И валялся будильник на чердаке, пока я его не нашёл. Он весь в пыли был, грязный, стекло разбито, стрелки отвалились. Дай, думаю, поковыряюсь: разобрал, достал механизм, в руки взял – работает. Даже и заводить его не надо, он всё равно ходит. А если в корпус установить, завести и поставить на полку, то, через некоторое время, останавливается. Я даже на второй часовой завод ездил, специалистам показывал: " Не наш говорят механизм. Не делали у нас таких". Ну, как же не делали? Смотри! Видишь на корпусе букочки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.